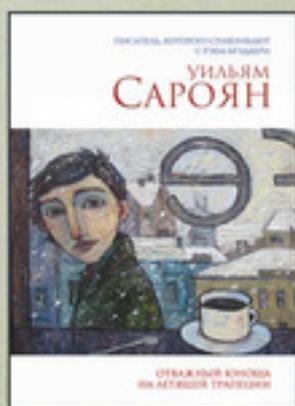

Уильям Сароян

Я на этой земле

*Часть сборника
Отважный юноша на летящей
трапеции (сборник)*

Уильям Сароян
Я на этой земле

«ЭКСМО»

1934

Сароян У.

Я на этой земле / У. Сароян — «Эксмо», 1934

ISBN 978-5-457-60475-9

"...Я – молодой человек, живущий в старом городе. Сейчас утро. Я в маленькой комнате. Стою над кипой желтой писчей бумаги – это единственный сорт бумаги, который мне по карману – десять центов за сто семьдесят листов. На эту бумагу еще не нанесено ни единого слова, она девственна и совершенна. А я – юный сочинитель – только готовлюсь приступить к работе. Сегодня понедельник... 25 сентября 1933 года... какая благодать, что я живу, что я еще есть. (Я стар. За множество дней и ночей я исходил множество улиц и городов. И вот я нашел себя. Над моей головой, на стене этой маленькой, неприбранной комнаты фотография моего умершего отца. Я появился на этой земле с его лицом и глазами и пишу по-английски то, что он написал бы на нашем родном языке. И мы – один и тот же человек – один мертвый, другой живой.) Я отчаянно курю сигарету, ибо для меня наступил миг величайшей важности, а значит, и для каждого. Я собираюсь перенести язык, мой язык на лист чистой бумаги, и меня пробирает дрожь. Быть пользователем слов – такая большая ответственность. Я не хочу согрешить против истины. Я не хочу умствовать. Я очень этого опасаюсь. Никогда я не вел себя благоразумно, и теперь, когда я занялся трудом, более величественным, чем сама жизнь, мне не хочется обронить ни единого фальшивого слова. Месяцами я твержу себе: «Ты должен быть скромн. Скромность – превыше всего». Я твердо решил не потерять своего характера..."

ISBN 978-5-457-60475-9

© Сароян У., 1934

© Эксмо, 1934

Уильям Сароян Я на этой земле

Начало всегда дается трудно, ибо вовсе не пустячное дело выбрать из языка одно-единственное, яркое слово, которое пребудет в веках. И любое изречение взятого в отдельности человека есть всего лишь одно слово. Каждый стих, повесть, роман и эссе, как и любой сон, есть всего лишь слово из этого языка, еще не переведенного нами, той бескрайней невысказанной мудрости ночи, того словарного запаса, который не подчиняется ни грамматике, ни законам. Земля необъятна. И все, что ни есть на земле, огромно – и небоскреб, и травинка. Глаз способен увеличивать предметы, если это позволят разум и душа. Разум способен разрушить время, которое сродни смерти, а также – не забывайте – сродни жизни. Всего же грандиознее – наше «я», микроб человечества, из которого зарождается Бог и Вселенная, рай и ад, земля, лик человеческий, мое лицо и ваше. Наши глаза. От себя же скажу с благоговением – возрадуйтесь.

Я – молодой человек, живущий в старом городе. Сейчас утро. Я в маленькой комнате. Стою над кипой желтой писчей бумаги – это единственный сорт бумаги, который мне по карману – десять центов за сто семьдесят листов. На эту бумагу еще не нанесено ни единого слова, она девственна и совершенна. А я – юный сочинитель – только готовлюсь приступить к работе. Сегодня понедельник... 25 сентября 1933 года... какая благодать, что я живу, что я еще есть. (Я стар. За множество дней и ночей я исходил множество улиц и городов. И вот я нашел себя. Над моей головой, на стене этой маленькой, неприбранной комнаты фотография моего умершего отца. Я появился на этой земле с его лицом и глазами и пишу по-английски то, что он написал бы на нашем родном языке. И мы – один и тот же человек – один мертвый, другой живой.) Я отчаянно курю сигарету, ибо для меня наступил миг величайшей важности, а значит, и для каждого. Я собираюсь перенести язык, мой язык на лист чистой бумаги, и меня пробирает дрожь. Быть пользователем слов – такая большая ответственность. Я не хочу согрешить против истины. Я не хочу умствовать. Я очень этого опасуюсь. Никогда я не вел себя благоразумно, и теперь, когда я занялся трудом, более величественным, чем сама жизнь, мне не хочется обронить ни единого фальшивого слова. Месяцами я твержу себе: «Ты должен быть скромнен. Скромность – превыше всего». Я твердо решил не потерять своего характера.

Я – рассказчик, и у меня есть одно-единственное повествование – о человеке на земле. Я хочу рассказать эту незатейливую историю по-своему, позабыв о правилах риторики и хитросплетениях композиции. Мне есть что сказать, и я не желаю говорить, как Бальзак. Я не художник. Я не очень верю в цивилизацию. Я не в восторге от прогресса. Когда строится большой мост, я не ликую, когда аэропланы пересекают Атлантику, я не думаю: «Что за восхитительная эпоха!» Меня не интересуют судьбы народов, мне наскучила история. Что подразумевают под историей те, кто ее пишут и верят в нее? Как случилось, что человек, это скромное и симпатичное существо, поработано ради чудовищных документов? Как получилось, что одиночество человека нарушено, его божественность сведена к жуткому месиву убийств и разрушений? А еще я не верю в коммерцию. Все машины я считаю хламом – арифмометр, автомобиль, локомотив, аэроплан и, конечно, велосипед. Я не верю в транспорт, в перемещение тел. Я бы хотел знать, кому и куда вообще удавалось отправиться? Вы когда-либо покидали самого себя? Есть ли странствие более грандиозное и захватывающее, чем путешествие разума сквозь жизнь? Конец какого странствия так же красив, как смерть?

Меня занимает только человек. Я люблю жизнь. И преклоняюсь перед смертью. Я не могу бояться смерти, ибо ей подвержена только плоть. Кто оспорит, что сегодня и я, и мой отец – живы, что в моей плоти накоплено все прошлое рода человеческого? Но я презираю

насилие и люто ненавижу тех, кто его творит. Нанесение раны мизинцу живого человека я считаю неизмеримо более чудовищным и отвратительным, чем его естественную смерть. И когда сонмы людей калечатся насмерть на войне, меня охватывает горе, граничащее с безумием. Я становлюсь бессилён от негодования. Единственное мое оружие – язык, и хотя мне известно, что язык сильнее пулеметов, я в отчаянье от того, что не могу в одиночку искоренить понятие «уничтожение», возбужденное в людях пропагандистами. Я и сам, однако, пропагандист и в этом самом рассказе пытаюсь вернуть человеку его природное достоинство и доброту. Я хочу вернуть человека самому себе. Я хочу отослать его от толпы к собственному телу и разуму. Я хочу вырвать его из кошмара истории и возвратить к безмятежным мечтам его души, к истинной летописи его рода. Я хочу, чтобы он стал самим собой. Только скот можно сгонять в стадо. Когда из человека вынимают душу и он становится частицей толпы, плоть Божья терзается жгучей болью, и, следовательно, это акт кощунства.

Я против посредственности. Если человек – честный идиот, я способен полюбить его, но ни за что не полюблю бесчестного гения. Всю свою жизнь я высмеивал правила и традиции, стили и манеры. Как можно применять правила к такому чудесному творению, как человек? Каждая жизнь есть противоречие, новая истина, новое чудо, и даже аферы бывают интересными. Я не философ и не верю в философию. На само это слово я посматриваю с подозрением. Я верю в право человека противоречить самому себе. Например, разве я не говорил, что считаю машины хламом, и тем не менее разве я не поклоняюсь своей пишущей машинке? Разве она не самое ценное мое достояние?

А теперь я перехожу к своему маленькому повествованию. Это рассказ обо мне и моей пишущей машинке, и это, наверное, заурядная история. Можете открыть любой общенациональный журнал за пять центов и найти там куда более добротные написанные рассказы о любви и нежности, безысходности и страсти про Элмера Фаулера, Вилфреда Диггенса и Флоренс Фарвелл, Агату Юм и прочее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.